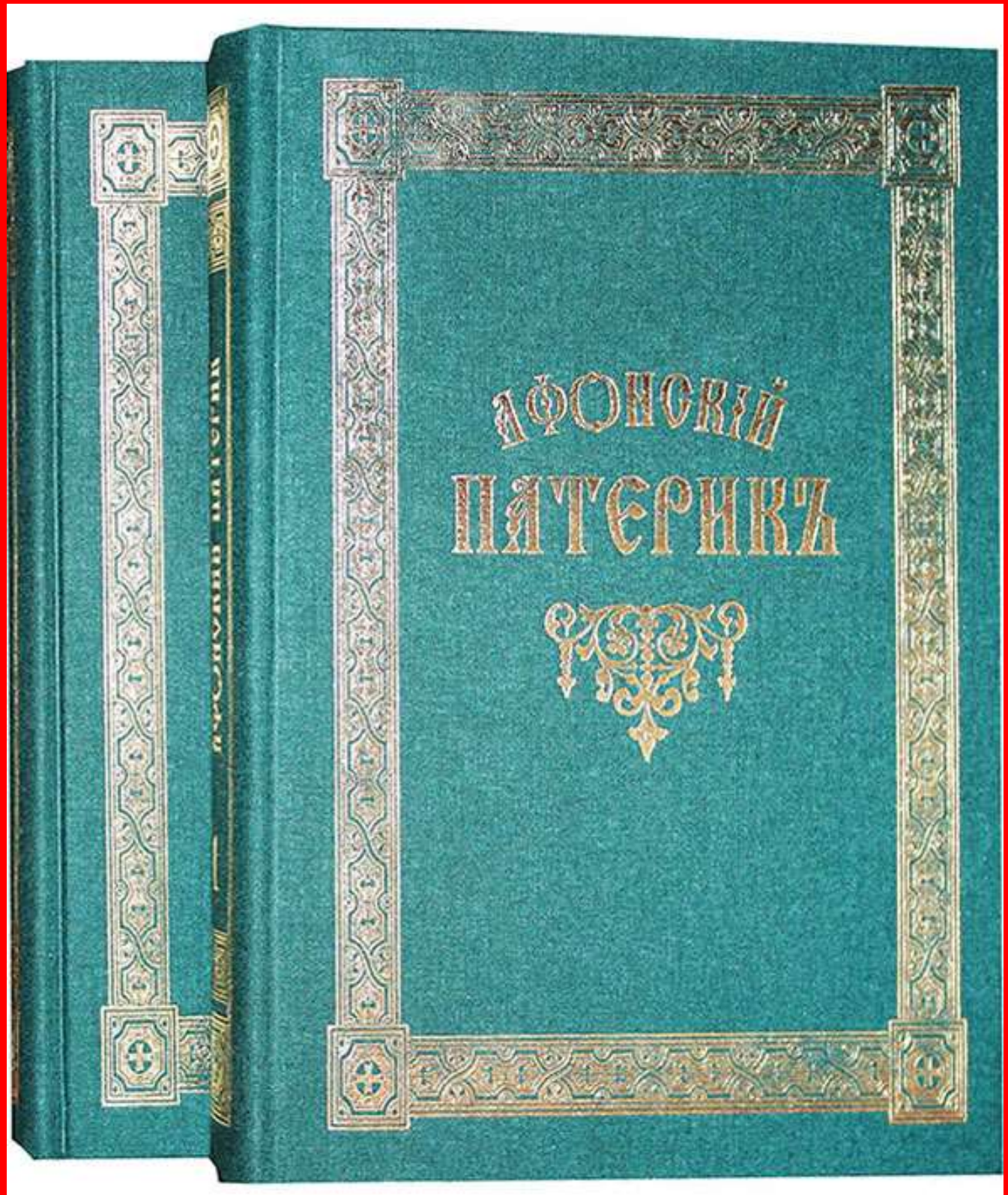

TEZAUUR LITURGIC

PATERICUL ATHONIT I

SF.PANTELIMON-ATHOS,2002

4 ЯНВАРЯ

Житие и страдания святого нового преподобномученика Онуфрия¹²

Место родины святого нового преподобномученика Онуфрия было селение Габрово, Терновской епархии. Он происходил от богатых христианских родителей-болгар и во св. крещении назван был Матфеем. Когда Матфей достиг возраста, способного разуместь книжное учение, тогда родители отдали его в училище, где он проходил учение с большим успехом. В это время однажды он в чем-то провинился, за что и был наказан своими родителями, но, однако, это внушительное родительское наказание породило в его юном уме мысль о мести, которая по действию вражескому клонилась к собственной его гибели. Питая гнев на своих родителей за наказание, он выразился пред находившимися там турками, что желает принять магометанскую веру. Это детское намерение легко могло бы осуществиться, если бы не успели родители исхитить его из рук служителей Магомета. Видно, однако, что любовь Небесного Отца, за веру и благочестие родителей, не оставила отрока, изъявившего по своему неразумию

желание отречься от христианской веры. Ибо когда Матфей пришел в совершенный возраст и стал понимать предметы самостоятельно, то тогда же удалился на святую Афонскую Гору и поступил в братство Хиландарского монастыря. Здесь вскоре он принял на себя иноческий образ с именем Манассии и проходил духовные подвиги со вниманием и ревностью. Спустя некоторое время он за свою добродетельную и подвижническую жизнь рукоположен был во иеродиакона¹³. В сем священном сане Манассия прилагал труды к трудам, ревнуя в добродетелях подвижникам Христовым, и таким образом приходил от силы в силу. Но опыт и писания св. Отцов свидетельствуют, что насколько человек преуспевает в добродетели, настолько же украшается смирением, так что тогда даже и малейшие грехи кажутся ему великими и он сердечно сокрушается о них, принося покаяние. Так точно и Манассия: преуспевая в добродетели и рассматривая всю свою прошедшую жизнь, он с ужасом увидел свое падение, т.е. отречение от Христа, бывшее еще в отрочестве, которое с этого времени как бы неким тайным обличителем постоянно носилось в его уме. Кроме того, и сердце его не имело покоя вследствие вычитанных им слов, сказанных Спасителем в Божественном

Евангелии: «всяк, иже исповестъ Мя пред человеки, исповем его и Аз пред Отцем Моим, Иже на небесех: а иже отвержется Мене пред человеки, отвергнуся его и Аз пред Отцем Моим, Иже на небесех» (Мф. 10, 32–33). Имея в уме постоянно сии священные слова, Манассия скорбел, вся душа его была объята страхом. «А что, – думал он, – если я не принесу достойных плодов покаяния за свое отречение и в день Великого Суда Христос, Которого я отвергся пред людьми, отвержется меня пред Отцем Небесным?» Сердце его не было покойно, в нем не царил тот радостный мир, который в подкрепление и утешение посылается подвижникам от всещедрого Бога, а потому совершаемые им подвиги казались ему весьма недостаточными для того, чтобы очистить себя от глубокого, как ему казалось, падения и умиловать Бога; при этом в уме его носилось, что примирить свое сердце с Небесным Творцом возможно только чрез исповедание Его пред неверными. Поэтому он решился, за свое отречение от Христа, исповедать Его пред турками, проливши за Него кровь в мученических страданиях, очистить свое падение и этим путем примириться с Богом. Это святое и притом трудное намерение день и ночь не оставляло его; однако, не доверяя себе, он с

сердечной и смиренной молитвой просил Бога открыть ему, есть ли на то воля Его, угодная и совершенная, как о сем говорит св. апостол Павел (Рим. 12, 2). И если желание его угодно Ему, то тогда бы только Господь утвердил его мысль непоколебимою и укрепил бы его Своей благодатью мужественно исповедать христианскую веру пред врагами Христа и принять мученическую кончину. Но так как, по словам Св. Писания, «помышления смертных боязлива и погрешительна умышления их» (Прем. Сол. 9, 14), то и Манассия не решился без совета с опытными отцами вступить в великий подвиг мученичества, а потому со смирением и кротостью он открыл свое желание духовным старцам и просил их благоразумного совета. Но старцы посоветовали ему хорошенько обдумать свое намерение и, не познавши своих сил, не решаться на столь страшный подвиг.

Совет опытных мужей был принят Манассией с охотой, и он начал еще более подвизаться в посте, бдении, молитве и трудах; при этом желание пострадать за Христа не только не охлаждалось в его сердце, но еще более воспламенялось, особенно когда он узнал о недавнем страдании новых преподобномучеников Евфимия, Игнатия и Акакия¹⁴.

Узнав, что сии св. мученики, приготавливаясь к мученическому подвигу, пользовались советами и руководством духовника Никифора, он отправился в Предтеченский скит, где чистосердечно исповедал пред опытным духовником Никифором свое намерение, просил его принять в свою келью и приготовить к страдальческому подвигу, подобно Евфимию с Игнатием и Акакием.

– Согласен, чадо, принять тебя к себе, – сказал ему ласково духовник Никифор, – но только с тем, чтобы никто из посторонних не знал о твоём намерении пострадать за Христа и чтобы все время приготовления твоего к мученичеству ты совершал так, как бы уже находился в страданиях за Христа, пред жестокими мучителями. Соглашаешься ли ты на это?

– Согласен, святой отче, – с радостью отвечал блаженный.

И, таким образом, получив желаемое – быть учеником опытного мужа, Манассия возвратился в свой монастырь, распорядился своими вещами и деньгами, из коих одну часть раздал как милостыню, а другую оставил в пользу монастыря с тем, чтобы оный доставлял пропитание его родному отцу, который в то время жил вместе с ним в Хиландарском монастыре, в полном монашеском пострижении.

После этого он под видом, как будто бы хочет идти в Иерусалим для поклонения святым местам, скрылся от всех и пришел к духовнику Никифору, который с отеческой любовью принял блаженного и поместил его в отдельной келье, при этом заповедал ему, чтобы он ни с кем не имел никакого общения, а один наедине молился Богу.

Заклучившись в тесной и темной келье, Манассия начал подвизаться в продолжительном бдении и молитве; при этом смирял свое тело земными поклонами, которых в течение суток полагал по 3.500, а поясных без числа. Молитва со слезами как бы сроднилась с ним, ее он имел постоянно в устах и в уме, и таким образом блаженный подвижник в сей тесной келье, подобно золоту, искушался в терпении и мужестве. Для подкрепления же телесного употреблял в пищу хлеб с водой чрез два, а иногда и чрез три дня; вареную же пищу во все время вкушал иногда только в субботы и воскресные дни.

Спустя четыре месяца в его душе, уже очищенной и горящей пламенной любовью к сладчайшему Иисусу, явилась решимость вступить в давно желанный подвиг пострадать за православную веру и принять мученическую кончину. В это время старец Никифор постриг

его в великий ангельский образ с именем Онуфрия, и решено было духовником с другими старцами отправить его на остров Хиос, который блаженный Онуфрий должен избрать поприщем мученических подвигов. И таким образом быв напутствован общими молитвами и благословениями, мужественный воин Христов вместе с иноком Григорием, тем самым, который до этого сопутствовал трем мученикам Христовым – Евфимию, Игнатию и Акакию, – с этим-то любвеобильным Григорием Онуфрий оставил св. Афонскую Гору. Отправились в путь и, будучи управляемы Промыслом Божиим, вскоре благополучно прибыли в Хиос. Здесь они остановились в доме у одного христианина, где в отдельной комнате провели семь дней в посте, бдении и молитве, подкрепляя свою душу частым причащением Св. Христовых Таин. И таким образом вооружившись во всеоружие духовное, Онуфрий решился в грядущую пятницу, как день спасительных страданий Господа нашего Иисуса Христа, выйти на брань против духа злобы и пролить свою кровь за Иисуса Христа. Как бы в подкрепление и утешение блаженного Онуфрия в одну из проведенных в молитве ночей он сел отдохнуть и, будучи в изнеможении, погрузился в легкий и тонкий сон. В это время он видит лик стоящих

пред ним архиереев, священников и воинов, которые сказали ему:

– Встань и иди к Царю, Который хочет видеть тебя.

– Для чего, – спросил их блаженный с робостью, – Царь желает видеть меня и что я за человек, который понадобился ему? Умоляю вас, оставьте меня.

– Невозможно, – сказали ему небесные посетители, – вставай и иди за нами.

В сопровождении сих светоносных мужей Онуфрий встал и пошел за ними. Потом пришли они в некое открытое и обширное место, которое было все залито необыкновенным светом, где на прекрасном и сияющем как бы от солнечных лучей троне в величии восседал Царь, к Которому блаженный подошел и поклонился до земли. В это время Царь обратился к предстоящим и, указывая рукой на одно светлое место, сказал: «Вот для него готова уже обитель». При сих словах Онуфрия оставил тонкий сон и он проснулся, чувствуя в сердце своем небесную радость. Прославив Бога, утешившего его чудным видением, он усердно просил в молитве своей и святого Василия Великого, так как эта ночь была его памяти, чтобы и он походатайствовал за него у Престола Божия своими благоприятными молитвами. Но каковая

же печаль объяла его сердце, когда он в следующую ночь уже не ощущал той небесной радости и вместо оной наступил страх и трепет, и он стал чего-то страшиться. Видя себя в таком состоянии, он со слезами обратился к старцу Григорию:

– Отче! Божественный огонь, который согревал сердце мое, угас! За что я, окаянный, лишился этого утешения?

– За гордость, – отвечал ему Григорий, – ты возмечтал о себе нечто великое, и за это скрылась от тебя благодать Божия.

– Увы мне, окаянному! – с рыданием и стонами сказал Онуфрий. – Какого я лишился драгоценного дара! Что теперь скажут св. отцы и братья афонские! Вместо того, чтобы услышать им о новом мученике и порадоваться моему спасению, они услышат о вторичном моем отречении от Христа. Увы мне, грешному! Увы мне, несчастному!

Выплакав свое горе, он упал к ногам Григория и, лежа у его ног, укорял себя за то, что не мог сохранить Божественного утешения. Потом стал на молитву и до тех пор изливал оную пред Сердцеведцем, пока опять не почувствовал в сердце своем той угасшей теплоты, которая было его оставила.

Чувствуя себя в мирном устроении, он, с детской простотой обратившись к Григорию, с радостными слезами на глазах сказал:

– Отче! Благословен Бог, мне теперь опять хорошо.

На утро Григорий взял предосторожность, дабы опять Онуфрий не впал в духовную гордость, так как коварства злобного врага сильны, который, рыкая, как лев, ищет, кого поглотит, и тем более и сильнее вооружается на тех, которые мужественно отражают все его нападения. Древняя злоба не дремлет и готова воздвигнуть тучи своих коварств, лишь бы только найти в подвижниках Христовых хотя малейшую слабость. Поэтому опытный старец Григорий, дабы смирить все помыслы Онуфрия и чтобы он отнюдь не надеялся на себя, повелел ему просить у всех, в том доме находившихся, за себя молитв, припадая к их ногам и лобызая оные. После этого в тот же день блаженный Онуфрий заключился в церковь, где начал молиться с воплем, изливая пред Сердцеведцем скорбь тоскующей своей души.

Григорий, слыша Онуфрия молящегося с воплем, на сей раз не препятствовал ему явно изливать свою печаль пред Отцом Небесным, ибо видел, что его гласная молитва исходила из сердца, согретого Божественной теплотой; и,

чтобы не смутить молящегося, уже после, когда блаженный окончил свою молитву, Григорий из предосторожности заметил ему, говоря: «Разве ты не слышал, что сказал Господь в Евангелии: «Да не увести шуйца твоя, что творит десница твоя» (Мф. 6, 3). Для чего это ты тщеславишься и творишь твою молитву гласно? Конечно, для того, чтобы тебя все слышали и хвалили. Несчастный! Опять ты впал в гордость и погубил труд свой. Опять ослепила тебя духовная гордость!»

Блаженный, слыша от старца Григория сии слова, с кротостью отвечал ему: «Согрешил, отче! Прости меня и помолись за меня Богу, чтобы Он избавил меня от сетей диавольских». Но опытный Григорий, видя глубокое смирение Онуфрия, в душе радовался за него, так как выговор сделан был ему, собственно, для того, чтобы вести блаженного к подвигу мученическому путем смирения и таким образом низложить всезлобного и гордого диавола. Цель его была достигнута, и теперь-то он начал готовить его к подъятию страданий во исповедание имени Христова. Всю предшествующую ночь провели они вместе на молитве, потом, приобщившись св. Христовых Таин, Григорий одел Онуфрия в мирские одежды (волосы на голове и бороде были обриты

еще с вечера) и, как только забрезжило утро, отпустил его с пожеланием совершить благополучно мученический подвиг.

На дороге он встретился с одним христианином и при разговоре с ним, видя его благонамеренным, открыл ему свое желание пострадать за Христа. Добрый христианин порадовался и при этом заметил, что у него к довершению всей турецкой одежды недостает красных башмаков, которые в этом случае были необходимы, и купил ему оные. Потом пошли они в храмы Пресвятой Богородицы, именуемой Обрадованной, и св. Матроны Хиоградской, где отслужили молебен Царице Небесной, прося подкрепления и помощи у Богоматери, и уже отсюда Онуфрий пошел в мехкеме (судилище).

Пришедши в мехкеме, он спросил у сторожа: можно мне видеть председателя?

– На что тебе он? – отвечал сторож.

– Имею к нему заявить дава¹⁵.

– А есть у тебя фетуфа?

– Нет, – в замешательстве отвечал Онуфрий.

– В таком случае невозможно видеть председателя, – отвечал ему сурово сторож.

Не достигнув цели, Онуфрий со скорбью пришел обратно в дом к тому доброму христианину, который купил ему башмаки. Но сей благонамеренный христианин успокоил его и

посоветовал идти опять в мехкеме и там, никому не сказавшись, поднять занавес, отделяющий присутствующих от просителей, и таким образом можно проникнуть в их заседание.

Выслушав совет, Онуфрий пошел в мехкеме, где безбоязненно поступил по совету доброго христианина и, вошедши в присутствие, обратился к судьям со следующими словами:

– Пятнадцать лет тому назад в этом месте я получил опасную рану, и с того времени обошедши разные города и врачей, не получил исцеления, и все, как бы согласившись между собой, сказали, что рану мою никто не может залечить, как только одно лишь то место, где я оную получил, поэтому я опять пришел сюда, чтобы совершенно залечить ее.

– Какая же твоя рана, – спросил его кади (судья), – и что именно ты хочешь от нас получить?

– Рана моя, – отвечал мученик, – такого рода: будучи отроком, я по своему неразумию отрекся христианской веры пред вашими мусульманами, впрочем никогда не последовал ей, а всегда был истинным христианином и исполнял все христианские обряды. Но когда я пришел в совершенный возраст, тогда ясно как день открылось предо мной мое падение, которое я считал как бы за глубоко нанесенную в душу

мою рану. После этого я обошел многие святые места для уврачевания себя покаянием, но помыслы мои не успокоились, а сердце до сих пор не находит покоя. Итак, проклиная вашу веру с ложным вашим пророком Магометом и дерзновенно исповедую себя пред вами христианином. – Говоря это, он бросил пред ними головную зеленую повязку, одна часть которой попала в лицо кади, а другая муфтия.

Судьи, видя такое дерзновение святого, удивились, как это мог решиться на такую дерзость христианин; один же из них с гневом начал говорить святому: «Что ты, несчастный, делаешь? Подними и опять положи себе на голову эту святую вещь». Но мученик, улыбнувшись, начал укорять все их вещи, которые они называют святыми, и самую их веру со всеми ее обрядами.

Слыша хулу на свою веру, судьи злобно закричали: «Смерть этому человеку!» – и приказали ввергнуть его в темницу, забивши ноги в колоды. Когда святой мученик введен был в мрачное заключение, то томившиеся там в узах некоторые из христиан с участием спрашивали о его имени и отечестве, но страдалец Христов, скрывая истину, чтобы не дать подозрения, что он инок, отвечал им, что он из Тернова, а имя ему Матфей. Но, однако,

святому долго не пришлось сидеть в темнице, ибо судьи в этот же день осудили его на смерть.

Когда вывели святого узника из темницы, то судьи еще раз спросили его, что он думает о себе, и когда узнали, что мужественный страдалец непоколебим в своем исповедании, приказали отрубить ему голову, а тело с одеждой бросить в море.

После этого повели св. Онуфрия на смертную казнь. Пришедши на то самое место, где незадолго пред этим был обезглавлен новый преподобномученик Марк, Онуфрий преклонил колена и заклан был ножом в гортань подобно кроткому агнцу, чистая же и непорочная его душа отлетела в небесные обители 4-го января 1818 года, в пятницу в 9 часов дня, на 32 году от рождения.

Таким образом совершился дивный подвиг святого страстотерпца Онуфрия, которого он так долго ждал для примирения себя с сладчайшим Иисусом, за Которого излил свою кровь, смыв с себя то пятно, которое некогда тяготило его душу. Теперь только вполне залечилась смертельная рана, о которой преподобномученик говорил пред турецкими судьями.

После казни святые мощи мученика были положены в куль, а в другой куль насыпали ту

землю, на которой лежали мощи, дабы христиане не могли взять что-либо для освящения, и таким образом положили в лодку, отвезли в открытое море, и там бросили в морскую пучину. Что же сделалось со св. мощами по ввержении их в море, для нас осталось тайной. Знаем только, что Тот, за Которого он пострадал, сохранил их невредимыми и в волнах морских, ибо в Св. Писании говорится: «Хранит Господь вся кости их, и ни единая от них сокрушится» (Пс. 33, 21), и что он сподобился получить от Христа Бога мученический венец, за исповедание Его пред магометанами. Молитвами святого преподобномученика Онуфрия, Христе Боже, сподоби и нам получить христианскую кончину и Небесное Царство, которое Ты уготовал своим последователям от сложения мира. Аминь.

**Память св. преподобномучеников
Ватопедских – игумена Евфимия и
двенадцати иноков**

Святые эти преподобномученики пострадали от папистов, разорявших святую Афонскую Гору в царствование византийского императора Михаила Палеолога (1260–1281 г.). За дерзновенное обличение латиномудренных в ереси преподобный Евфимий был утоплен, а

иноки повешены и мученической кончиною прославили венчавшего их Господа.

Память их совершается в обители Ватопедской 4 января. Общая же память всех свв. новомучеников празднуется на святой Афонской Горе во 2-ю неделю по неделе Всех Святых.

Подробное сказание о страдании свв. преподобномучеников ватопедских смотри в «Повести о нашествии папистов на Святую Гору», помещенной нами под 10-м октября, во 2-й части Афонского патерика.

Жизнь святого Евстафия, архиепископа Сербского¹⁶

Блаженный Евстафий был родом из области Будимльской в Сербии, сын богобоязненных родителей. С юных лет лучшим утешением для него было чтение Божественных книг и посещение храмов Божиих. Еще будучи отроком, прежде нежели отдали его в научение книжное, он сам пришел напомнить об этом своему отцу и в скором времени превзошел в учении всех своих сверстников. Едва вступив в юношеский возраст, он бежал из родительского дома, чтобы сделаться иноком, и водворился в области Зетской, в обители Архангела Михаила, где была епископская кафедра. Преосвященный Неофит сам постриг его, и там начал он проходить со всей строгостью жизнь

подвижническую, день и ночь посвящая молитве и не обращая своего лица к оставленной им суете мира. Пришло ему желание посетить святые места Иерусалима и поклониться Гробу Господню. Никому не открыв своего тайного помысла, он со слезами молил Господа исполнить пламенное его желание. Господь внял его молитве: нашлись добрые спутники – два инока, посланные ему Самим Господом, которые пришли в обитель Архистратига и объявили юному подвижнику желание свое идти в Иерусалим. С ними пустился Евстафий в дальний неведомый путь, возложив все упование свое на Бога, и благополучно достиг Святого града, где провел немало времени, обходя все покланяемые места страданий Господних и окрестные пустыни, наполненные паломниками. Совершив свое странствие в Палестине, он отправился и на святую Афонскую Гору, чтобы водвориться там для большого подвига, среди отцов. Он поселился на Святой Горе в знаменитой лавре Хиландарской и там хотел окончить дни свои в безмолвии, посвятив себя служению Богу в пустыне, но Господу благоугодно было поставить его на свещнике, чтобы он светил родной земле с кафедры святительской. Молва о нем распространилась далеко, и к его духовной

беседе стали притекать не только из ближних, но и из дальних обителей, ибо высоким подвигом иноческой жизни он превзошел всю братию на Афоне. Общим собором всех обителей Святой Горы он был поставлен игуменом лавры Хиландарской, в каковом звании видим его с 1263 г.¹⁷. Благочестивые крали сербские, услышав о высокой его добродетели, притекали к нему за советом и осыпали вверенную ему обитель обильными дарами. Блаженный Евстафий ревновал идти во всем по следам великого Саввы, основателя Хиландарской обители, и как подражал ему в созидании оной, так и наследовал его кафедру. Но прежде ему суждено было наследовать кафедру области Зетской, в той обители Архангела, где он принял ангельский образ – хотя и вопреки его желанию он возведен был на степень святительскую. После кончины блаженного архиепископа Иоанникия король сербский Драгутин созвал всех епископов и игуменов земли своей для избрания достойного преемника усопшему архипастырю – и выбор их пал на смиренного епископа Евстафия. Смутился духом смиренный и долго умолял краля не возлагать на рамена его бремя не по силам, но не мог воспротивиться общему голосу Церкви сербской и возведен был соборно на осиротевшую кафедру.

Высокие добродетели Евстафия доставили ему уважение и нового короля Милютина. В звании архиепископа всей Сербии он с 12-ю епископами присутствовал на соборе, на котором король Милютин утвердил за Хиландарским монастырем земли и угодья Сербской страны¹⁸. После семилетнего управления Церковью блаженного Евстафия постигла тяжкая болезнь, предвестница скорой кончины, но смерть представлялась ему сладостным сном. Он находился тогда в обители Жидча, основанной св. Саввой, куда и призвал ближних епископов и игуменов, простился со всеми, приобщился св. Таин и с веселым лицом сказав: «В руки Твои, Господи, предаю дух мой», мирно скончался в 1279 г.¹⁹

Весь освященный собор с честью похоронил его в мраморной раке, в обители Спасовой на месте, называемом Жидча, но Господь сохранил кости праведника и не дал им видеть истления. Начались дивные знамения при раке его и исцеления болящих. Король Урош Милютин, после совещания с преемником Евстафия, архиепископом Иаковом, повелел открыть раку; живым, а не усопшим предстал им святитель в мертвенном своем покое. Нетленное тело его с великой честью поднято было из гробовой раки и поставлено в ковчеге внутри храма. День его

преставления положено было праздновать 4 января. Когда же спустя некоторое время от смут воинских, волновавших Сербию, обитель Жидча стала небезопасна, архиепископ Иаков устроил торжественное перенесение тела блаженного своего предместника в более огражденное место, в обитель патриархии Печской, где и доселе почивают мощи Евстафия среди славных его предместников и преемников, источая благодатные исцеления.

Сербская церковь поет св. Евстафию: «На Негоже уповал еси, святителю, из млада возраста, радуясь же яко елень востекл еси на гору святую, земная вся оставил еси, прилепився закону Творца и Владыки исполнением заповедей».

«Очистив душу и тело от скверны, праведно-преподобна и незлобива учителя себе показал еси, отче блаженне: сирых питатель, обидимых помощник и странноприимен был еси: темже со дерзновением вопиеш: Тебе люблю, Иисусе Боже мой, света невечерняго и миром владычествующа»²⁰.

(Память святителя совершается вторично в общей службе свв. сербским святителям и учителям – 30 августа).

* * *

С рукописи скита св. Предтечи.

13

Может быть, он не исповедал духовнику о своем бывшем отречении от Христа или духовник не счел оное препятствием к принятию диаконского сана. Но по 10-му правилу 1-го Вселенского собора не могут быть удостоиваемы священнослужительского сана отрекшиеся христианской веры и приносившие жертву идолам. См. изъяснение сего правила на 305 стр. Опыт курса церковного законоведения, архим. Иоанна. Т. 1. Спб. 1851 г.

14

Пострадали в 1816 году; память их 1 мая.

15

Дава – процесс тяжущихся о чем-либо лиц, рассматриваемый низшим судебным местом; когда же одно из тяжущихся лиц бывает недоволено решением этого места, а желает перенести свое дело в какое-нибудь высшее судилище, то, в удостоверение на это права, выдается ему из низшего судилища фетуфа (свидетельство).

16

Даничич. Животи краљева и архиепископа ернских. Загреб. 1866.

17

Калайдовича экзарх, стр. 164.

18

Григоровича путеш.

19

См. свв. южных славян. Филарета, архиеп.
Черниговского, 1865, допол. стр. 250.

20

Сербляк. Белград. 1861 г.

